

В одном из интервью, данных журналу «Прайм-Сфера», ярославский руководитель и видный общественно-политический деятель Владимир Николаевич Голов, который на протяжении нескольких десятилетий отдаёт силы, организаторский талант и душевное тепло служению родному городу, поделился мыслями о том, насколько важно для тех, кто «поставлен наверху», умение услышать людей. Столь ценное в наше время качество – теплоту по отношению к людям Владимир Николаевич унаследовал от отца Николая Ивановича Голова и бережно пронёс по жизни. Ему везло на хороших людей, потому что сам он всегда шёл с добром к тем, кто нуждался в этом в трудную минуту. И так – на каждом этапе жизнедеятельности: в Дзержинском районе, мэрии, муниципалитете Ярославля. А сейчас – в фонде содействия развитию Ярославля, преемнике фонда подготовки к празднованию 1000-летия города, принявшем на себя исполнение тех задач, которые его предшественник не успел осуществить. В минувший, знаковый Год 70-летия Победы приоритетными направлениями деятельности фонда явились мероприятия военно-патриотической направленности. Об этом главный редактор журнала «Прайм-Сфера» Татьяна Лимпиас попросила рассказать в начале беседы Владимира Николаевича Голова.

– По профессии я – строитель, и потому город перед торжествами напоминает мне дом или квартиру, где проводится капитальный ремонт. А когда этот ремонт успешно завершён, люди радуются, отступают обиды и волнения, остаётся чувство удовлетворения от результата выполненной работы. Так было в исторический период подготовки к 1000-летию Ярославля, когда город благодаря эпохальной дате получил возможность совершить громадный рывок в своём развитии. Нечто подобное, только в меньших масштабах, мы наблюдали и в 2015 году, который отличался массовым участием населения города в праздновании юбилея Великой Победы.

Естественно, Городской фонд содействия развитию Ярославля, который, образно говоря, принял эстафету у своего предшественника, проделавшего огромную работу преддверии 1000-летия города, не мог позволить себе опустить высоко взятую «планку». Как известно, фонд –

ВЛАДИМИР ГОЛОВ:

«Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ»

серьёзное подспорье городскому бюджету. И потому многие вопросы по строительству, реконструкции и ремонту социально-значимых объектов, благоустройству мест массового отдыха горожан, созданию новых парковых зон и ряд других эффективно решаются в городе благодаря его активной деятельности, в которой объединены усилия заинтересованных в развитии Ярославского края людей – меценатов, спонсоров, партнёров организации. Радует, что особую активность в поддержке начинаний фонда проявляют муниципальные и промышленные предприятия, строительные компании, работающие в городе для его процветания.

- Владимир Николаевич, несмотря на то, что нашу беседу можно назвать послесловием к грандиозному событию - празднованию 70-летия Победы, нелишне рассказать о «копилке добрых дел» фонда в этом юбилейном году.

- Думаю, не будет преувеличением отметить тот факт, что время для фонда выдалось весьма горячее. Достаточно сказать, что на День Победы мы постарались обеспечить все городские и районные мероприятия, содействовали в юбилейном году открытию памятных досок, восстановлению мемориалов, благо-

устройству городских территорий к празднику. Кратко остановлюсь на некоторых из них. Так, в Ярославле с нашей помощью были установлены мемориальные доски Героям Советского Союза Г.П. Бахвалову, И.В. Пашенко, а также участнику Великой Отечественной войны И.П. Посохову. Открыт ряд новых мемориалов. Скажем, при поддержке депутатов ярославского муниципалитета установлены памятники «Жертвам блокадного Ленинграда» на Туговой горе и Донском кладбище. При содействии депутатов Ярославской областной думы открыт памятник нашему земляку, Герою Советского Союза М.П. Жукову около школы № 3, на улице его имени, а также проведено благоустройство и озеленение территории возле мемориала. Солидный объём работ по благоустройству выполнен на мемориальной площадке у Музея Боевой Славы. Ещё осенью 2014 года мы позаботились о приведении в порядок Военно-мемориального кладбища. На территории музея с нашим участием был проведён комплекс работ, включающих установку на постаменте боевой машины десанта БМД-1. Довольны мы и результатами работ по благоустройству и озеленению Аллеи полководцев, парка около госпиталя ветеранов войны, прилегающей территории к памятнику воинам 234-й стрелковой дивизии на улице Угличская. Приводится в надлежащее состояние парковая зона напротив Леонтьевского кладбища.

Фонд инициирует большой объём работ по озеленению городских территорий. Наше детище – проект-конкурс «Цветы Победы» в сквере у часовни Александра Невского является предметом гордости горожан и объектом повышенного внимания гостей Ярославля. Надо отдать должное, ярославцы активно поддерживают наши начинания и участвуют во всех акциях по озеленению. Приятно было видеть энтузиазм брагинцев, которые сажали деревья и цветы в скверах и на бульварах Северного жилого района. А в целом большую работу по благоустройству территорий проводят администрации Фрунзенского, Дзержинского, Красноперкопского районов. В каждом районе Ярославля созданы и активно решают эти вопросы общественные советы директоров. С учётом сложностей 2015 года работы по благоустройству и озеленению компенсировались за счёт участия людских и материально-технических ресурсов. И к концу минувшего года в Ярославле появились новые скверы, ухоженные площадки и дворовые территории.

В юбилейном году наш фонд был также озадачен важным делом – поддержкой коллектива Дворца культуры имени А.М. Добрынина, которому в конце 2015-го минуло полвека. Это учреждение культуры всегда – в гуще городских дел, в том числе, и военно-патриотической направленности. А потому мы не могли не откликнуться на просьбу руководства ДК помочь осуществить капитальный ремонт. Взвесив наши возможности, решили внести свой вклад в благоустройство прилегающей к дворцу территории.

Добрые отношения сложились у фонда с общественными организациями ветеранов Великой Отечественной войны, локальных войн и конфликтов. Так, одним из значимых наших проектов стало издание книги ветерана Великой Отечественной войны, участника парада Победы 1945 года в Берлине В.А. Жилкина «Годы в артиллерии».

О том, насколько пережившим лихолетье людям важно внимание со стороны государства, я понял из личного опыта. Несколько лет назад в Санкт-Петербурге вручались медали блокадникам-ленинградцам. Но пережившие блокаду жители Ярославля в их число не попали и потому обратились за помощью ко мне, в то время председателю муниципалитета города. В основном, это были женщины. Вот и пришлось мне связаться с Монетным двором, чтобы отчеканили 600 медалей для живущих в нашем городе блокадников, и в торжественной обстановке вручить их ленинградским ярославцам.

В минувшем году мне впервые в кои-то веки удалось посмотреть дома по телевизору Парад Победы на Красной площади, т.к. обычно всегда стоял на трибуне во время парадов на Советской площади нашего города. А тут испытал непередаваемые чувства – волнение, гордость за военную мощь нашей страны и радость, что прошедшие войну ветераны столь бодры и энергичны.

- Когда Вы говорите о войне, в Вашем голосе появляются особые нотки. Военное лихолетье коснулось Вашей семьи?

- Думаю, в России практически нет семей, которые бы обошла стороной Великая Отечественная. Недаром её называют вселенской трагедией. Вот и по нашей семье прошла «коса» войны. В 1944 году, когда я пошёл в первый класс, раненый в боях отец уже вернулся с фронта домой, потеряв к тому времени трёх братьев. Не стало и двух его сестёр. Старшая Валентина Ивановна была госпитализирована с тяжёлым ранением и скончалась в тылу. А младшая Александра Ивановна, зенитчица, защищавшая небо Ленинграда, дожила почти до 95 лет и умерла недавно в Санкт-Петербурге. Мой детский мозг «сфотографировал» любопытные сценки из военной жизни. Помню, как в наш огромный дом, перевезённый перед затоплением из Мологи в Любимский район, определили на постой разведывательный взвод артиллерийского полка во время его реформирования. Взводный – старший лейтенант носил усы, как у Чапаева. В течение нескольких месяцев моя мама готовила постояльцам еду. Варила кашу из солдатских пайков – брикетов, упакованных в бумагу. Для меня эти обёртки бумаги из-под полуфабрикатов были, как говорится, на вес золота, поскольку писали мы в школе на старых газетах. Вот солдаты и предложили: мол, давайте Вовке тетрадки делать из обёрток. Их разглаживали утюгом и разлиновывали. В таких тетрадках я писал. Кстати, они у меня были лучшими в классе. Ведь на газетах всё

размывалось, а на этой обёртке записи были чёткие. В то время мы испытали и голод, и холод, и страх. Вот почему с такой остротой я переживал за последствия локальных конфликтов, происходивших в своё время в Афганистане, Чечне, других «горячих точках» XX-XXI веков, а сейчас - за события на Украине, военные действия в Сирии и на Ближнем Востоке, а также - за те ужасы, которые терпят мирные люди на планете в результате террористических актов.

- Живы у Вас воспоминания о собственной службе в армии?

- А как же! Служил я в далёкой Манчжурии. Как сейчас помню, из Ярославской области призвали 50 человек, половина – ярославцы, на смену тем, кто уже прошёл службу в Забайкальском военном округе. Тогда Министром обороны страны был четырежды Герой Советского Союза Г.К. Жуков, Маршал Советского Союза или, как его называли «народный маршал», который перед началом Великой Отечественной воевал с японцами на Халкин-Голе в Манчжурии. И потому служить там считалось почётно. Из Ярославля мы выехали 20 октября, уже наступили холода. Около 5 тысяч призывников везли 14 суток в товарных вагонах к месту службы через всю Россию-матушку, Сибирь и Дальний Восток. В каждом вагоне размещалось по 50-60 человек, которые спали прямо на дощатых нарах. Посередине вагона – буржуйка, её топили углём, чтобы не замерзнуть. От Читы по КВЖД шла железнодорожная ветка на Китай. По ней мы добрались до 77-го разъезда в Манчжурии. Когда вышли из вагонов, и прозвучал приказ «По машинам!», у нас от пробирающего до костей холода зуб на зуб не попадал. Отогрелись только в воинской части, где нас определили в танковый батальон обеспечения. Там, к слову сказать, была отличная баня, и мы всласть попарились, начисто смыв накопившуюся за две недели усталость и дорожную грязь. А получив воинское обмундирование и переодевшись, мы выглядели уже настолько по-иному, что даже сразу и не узнали друг друга. Когда прошли курс молодого бойца, нам сообщили, что из-за суровых условий служить будем не три, а два года. Сложилось так, что мы прибыли на замену сразу двух составов батальона, отслуживших по два и три года. Ну, а мы, ярославцы, как в одном вагоне ехали, так и служить попали в одну часть. Естественно, когда земляки рядом, и служба спорится. Я после курса молодого бойца был определён в учебную роту. Служил в сержантской должности помощником командира взвода, обучал новобранцев.

В то время отношения с Китаем были крайне напряжённые. Местное население жило бедно, в крытых соломой саманных постройках. Крыша – в метре над землёй. Местные монголы-кочевники гоняли стада в воинские части, поставляли нам мясо – конину и говядину, а китайцы, напротив, вели оседлый образ жизни и претерпевали огромные трудности из-за того, что на этой земле, где одни голые сопки и никакой растительности, ничего не родилось. К примеру, посадили возле казармы маленькие берёзки, так они за время нашей службы ничуть не подросли. Представьте, поутру встаёшь до подъёма, чтобы идти в штаб дивизии за поступавшими в адрес батальона документами, смотришь – вроде, снежок выпал, но спустя некоторое время выходишь на улицу – всё ветром унесло, всюду – песок, в земле – огромные трещи-

ны, её буквально разрывало беснежными морозами, а летом – непереносимой жарой. Спрашивается, какими аграрными работами в таких условиях можно заниматься? Словом, китайцы практически голодали и частенько живились за наш счёт. Мы их подкармливали. В наш батальон привозили солёную треску... аж из Мурманска. И когда нам выдавали её или какой-то другой сухой паёк, китайцы приходили, садились напротив и смотрели на припасы жадными, голодными глазами. Стычек с местным населением не было. Правда, однажды случился инцидент. Наши солдаты доставали через китайцев крепкую рисовую водку. И как-то «подшофе» сели за руль и поехали, но не заметили низенькую китайскую хибару, наехали на неё и буквально сравняли с землёй. Хорошо, что никто при этом не погиб. Спас ребят от грозившего им трибунала командир танковой дивизии, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Д.А. Драгунский. Легендарный, скажу я Вам, военачальник!

- Общаетесь ли Вы до сих пор со своими сослуживцами?

- Практически до последнего общался. Но жизнь есть жизнь – иных уж нет, а те далече. Служил я вместе с Валентином Григорьевичем Фирсовым, впоследствии заслуженным работником физической культуры и спорта РФ, который стоял у истоков создания футбольного клуба «Шинник». Вместе ели солдатскую кашу, делили солдатские будни, а потом на гражданке дружили семьями, играли в футбол. Но несколько лет назад моего друга не стало, и связи прервались. Так и со многими другими сослуживцами – общаемся от случая к случаю, созваниваемся, однако всё реже и реже.

- Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в обществе?

- Время непростое, но надо сказать, все внешние и внутренние передраги сплывают людей. Народ стал душевнее, разделяет чужую беду и горе. Значительна роль церкви в объединении людей и лично Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Я вновь обращаюсь к наиболее теме – событиям на Украине. У нас было много «привязок» к этой бывшей республике Советского Союза – в оборонной промышленности, радиоэлектронике, ракетостроении и ряде других сфер экономики, культуры, науки. А потом всё разом рухнуло. Сильно там чуждое западное влияние, раскардаш – в руководстве страной. Но и мы, если честно, многое упустили. Последнее время не располагали никакой объективной информацией о том, что на самом деле происходит в сознании украинских граждан. И результат – посмотрите, какой настрой у молодёжи. Ужаснулся сюжету о том, как 4-летняя девочка шла с ножом «на москалей». А в протестных движениях принимают участие в основном пожилые люди, которые не понаслышке знают, что такое война. И, напротив, создалось впечатление, что пришедшие к власти на Украине руководители не понимают, что такое ужас бомбёжек, гибель ни в чём не повинных людей, разорение страны в братоубийственной гражданской войне. У меня родственники живут в Донбассе, под Донецком. Будет обстановка спокойнее – обязательно съездим к ним с моей дочерью Наташей. Сегодня трудно представить, что там будет дальше. Но с Россией, скажу я Вам, шутки плохи. Это знали наши противники во все исторические времена, думаю, знают и сейчас. Россия – страна, которую нельзя победить.

Спонсор проекта

ЯПОНСКАЯ ОДИССЕЯ ВАХТЕННОГО ВОЛКОВА

В скромной ярославской квартире живёт человек удивительной судьбы, который в числе многих тысяч других безвестных героев поставил точку во Второй мировой войне, участвуя в боевых действиях на Дальнем Востоке. Капитан первого ранга, ветеран Великой Отечественной войны Михаил Николаевич Волков считает, что события, предшествующие подписанию Японией акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 года, в том числе, разгром Квантунской армии в Манчжурии и Корее, успехи нашего Тихоокеанского флота и армии в боях, незаслуженно оказались в военной летописи в тени воспоминаний. И потому во время беседы с корреспондентом журнала «Прайм-Сфера» Олесей Раджа он поведал о своей захватывающей японской одиссее, в частности, о том, как советские моряки и морские пехотинцы в ходе тактической операции брали осаждённый японским гарнизоном корейский порт Сэйсин.

Сначала объявления войны с Германией я трижды просился на фронт, но меня, старшеклассника ярославской школы № 16, не брали по возрасту. И вот 25 мая 1942 года, сразу по окончании 10 класса, меня пригласили в военкомат и предложили пойти на фронт добровольцем. Попал я в Московское военно-морское техническое училище, поскольку фронту были нужны подготовленные кадры, т.к. многие офицеры погибли во время Великой Отечественной войны. После года учёбы нам зачитали приказ Сталина, в котором запрещалось допускать курсантов к участию в боях – кадры надо беречь. И потому нам добавили ещё год, чтобы мы основательно прошли теорию и морскую практику на Северном флоте. Летом 1943 года я прослужил три месяца на Северном флоте, плавая на тральщике № 65 между мысом Канин Нос и Южным островом архипелага Новая Земля. Обстреливали и бомбили наше судно основательно, немецкая подлодка даже торпедировала его около острова Колгуев, но не попала в цель. А в 1944 году четыре месяца я осваивал морскую науку на Балтийском флоте: в форте Красная горка на эскадренном миноносце «Сторожевой». В середине июля корабли Балтийского флота получили приказ выйти в район Выборга, который был занят немцами. Наша армия наступала по суше, а корабли поставили задачу – отвлечь врага путём высадки так-

тического десанта. В пылу боя я даже не заметил тогда, как мне оторвало часть большого пальца на руке. Эта «зарубка» о Балтике осталась на всю жизнь. В августе 1944-го мы сдали экзамены и новоиспечёнными лейтенантами отправились служить на разные флоты.

Я оказался на Тихом океане, где прослужил впоследствии 26 лет. Меня назначили в экипаж эскадренного корабля № 2, всего же экипажей было сформировано десять. Буквально через двое суток после Дня Победы нас отправили на одну из баз Аляски, поблизости от Канады. А примерно через неделю-полторы у причала встали американские корабли союзников. Мы начали осваивать американскую технику, участвовали в совместных походах. 12 июля 1945 года в торжественной обстановке состоялся подъём флагов СССР и спуск американских на всех 10 кораблях. Это был период официального приёма-передачи кораблей. Думается, этот отрезок военной истории мало освещался в прессе. Возможно, потому что мы воевали на кораблях американского производства, которые приняли накануне войны с Японией и привели 4 августа во Владивосток, а 9 августа началась эта короткая, но кровопролитная война.

13 августа 1945 года командира нашего корабля, капитан-лейтенанта, ярославца Леонида Сергеевича Миронова вызвали в штаб, где он получил приказ отправляться в Корею. Место назначения держали в секрете. Помню, как последовала команда: «Корабль по ходу боя изготовить!». Матросы и офицеры стремительно разошлись по местам, отдали швартовы, и корабль снялся с якоря. В бухте Новик, у берегов Русского острова под Владивостоком, нас поджидали батальон морской пехоты и тральщик американского производства. Мы приняли на корабль 1-ю и 2-ю роты морпехов под командованием майора Бараболько, 3-ю роту принял тральщик, и вышли в море. Вот тогда-то командир и объявил: «Идём в Сэйсин». Оказалось, этот хорошо укреплённый порт на северо-восточном побережье Кореи был осаждён японским гарнизоном численностью до 4 тысяч человек. Кроме того, к нему спешно отступали разбитые части 3-й Квантунской армии. На границе СССР с Кореей нас обогнали торпедные катера и обменялись с нами позывными – убедиться, что идут «свои». Я был в то время бессменным вахтенным офицером по тревоге. На корабле было всего 10 офицеров, и у каждого – свой пост. Торпедоносцы нас обогнали, ну а мы подо-

шли к Сэйсинской бухте на рассвете 14 августа и увидели яркое пламя – это горел город. Стало известно, что накануне Сэйсин бомбила наша авиация.

Когда шли вдоль большой бухты, увидели по правой стороне маяк. Командир решил проверить, нет ли там японских автоматчиков, вызвал помощника и приказал: «Катер – на воду». В него сошли шесть матросов, вооружённых канадскими винтовками, и вызвался я. Когда пришвартовались к маяку, стали стремительно забираться вверх по винтовой лестнице. Но там никого не обнаружили. Я выпустил зелёную ракету – сигнал, что путь кораблям свободен. Мне просигналили в ответ – двигаться к причалу и убедиться, что там нет японцев, а если будут, дать знать красной ракетой. На причале тоже никого не оказалось. Чуть поодаль мы увидели трупы двух убитых во время бомбёжки японских солдат. И вновь в воздух – зелёная ракета: свободный путь кораблям. Морские пехотинцы стремительно высадились на берег, и командир батальона отдал приказ каждой роте – обследовать местность. Однако в городе мы никого не встретили: ни населения, ни японских солдат. Чудом уцелевший старый кореец сообщил, что японцы согнали всех жителей в сопки. ...

Никто не стрелял, наступила тишина, которая во время боев казалась каким-то чудом. Командир принял решение оставить только одну боевую смену, а всем остальным разрешил пообедать. Но через несколько минут у меня, стоящего на мостике, прямо над головой пролетели со свистом снаряды. Нажал на кнопку «ревун»: тревога на корабле! А ещё через полчаса наступил настоящий ад: по двум нашим кораблям стреляли со всех сторон бухты. Морские пехотинцы сообщили о том, что японцы теснят их и входят в город. Поначалу наш десант занял порт и прилегающие городские кварталы, воспользовавшись растерянностью противника. Однако вскоре японцы пошли в контратаки, поначалу беспорядочные и разрозненные. Но довольно быстро японским командованием был восстановлен порядок, и началось наступление на наш десант. Положение резко ухудшилось, наши ребята оказались отрезанными от берега в незнакомом городе. Как потом выяснилось, сухопутные войска противника в четыре раза превосходили наши силы по численности. Посудите сами, наш батальон морской пехоты насчитывал 500 человек, на корабле было 178 матросов, на тральщике – примерно 65 человек. А в рядах противника, как я уже упоминал, было 4 тысячи солдат. Силы явно неравные. Поскольку японцы стали стрелять по кораблям, командиры судов приняли решение курсировать по гавани, меняя курсы, чтобы не дать противнику возможность вести прицельный огонь. Подоспела японская авиация, и нас начали бомбить с воздуха. И хотя ни одного прямого попадания по кораблю не произошло, всё же были раненые и убитые. Бой в городе нарастал, и часа через два командир принял решение прийти на помощь морпехам, еле сдержива-

ющим натиск японцев. 35 матросов с нашего корабля и несколько человек с тральщика под командованием флагманского артиллериста, капитана II ранга Терновского устремились на подмогу своим.

Примерно ещё через час добавилась новая огневая точка – бронепоезд, который открыл по нам огонь из Сэйсина. У нас на корабле было девять орудий, в том числе – три американские автоматические 20-миллиметровые пушки «Эрликон», не считая орудий главного калибра и двух автоматических зенитных 40-миллиметровых «бофорсов». Мне была дана команда – открыть огонь по бронепоезду. Диаметр 20-миллиметрового снаряда весьма невелик. И такими снарядами нужно было поразить ходовую часть бронепоезда. Тем не менее, после наших залпов он стал двигаться через мост по инерции, а потом и вовсе остановился. Развернуть орудия на бронепоезде японцы не смогли. Они попытались, было, отремонтировать его, но мы их держали под непрерывным обстрелом. На вырчку бронепоезду пришёл паровоз, и мы сосредоточили огонь по нему. Не подпустили к бронепоезду, он развернулся и дал обратный ход. Держали мы врага на прицеле до вечера. И только под покровом ночи, когда сняли блокаду, японцы смогли утащить бронепоезд.

...Бой продолжался. Нам прислали страшную весть о том, что в рукопашном бою японский офицер отрубил голову корабельному матросу Моисеенко. К ночи битва стихла, но почему-то стало жутко от вновь наступившей тишины. Командир отправил меня, вахтенного офицера, отдохнуть, ведь я не смыкал глаз уже вторую ночь. Как только добрался до каюты, буквально рухнул на койку, в чём был. Но через пару часов вновь заступил на вахту. Около 8 часов утра к нам подоспела помощь: 6-й фрегат под командованием капитан-лейтенанта Касьянова, друга нашего командира корабля, и десантные суда с танками. Увидев такую силу, неприятель тотчас оставил город. За три дня боёв враг понёс колоссальные потери – более трёх тысяч воинов. А поскольку у нас истощились боеприпасы – остались только броневойные снаряды, а зенитных, зажигательных и фугасных не было – командир бригады кораблей принял решение: корабль должен проследовать во Владивосток для пополнения запасов и после этого вернуться. Мы взяли на борт раненых и отправились во Владивосток. При выходе из бухты похоронили умерших воинов по морскому обычаю – спустили в воду.

Во Владивостоке наш первый крупный корабль, вернувшийся из боя, встречали торжественно в присутствии городских властей и командования флотом. Торговые организации преподнесли нам подарки: офицерам – по бутылке коньяка и бутерброды, солдатам – бутылку водки или «четверть» коньяка. А те «заветные 100 грамм», которые мы ежедневно должны были принимать во время похода, были причислены к этим дарам. Отпраздновав победу, поутру мы вновь двинулись на Сэйсин, где ещё продолжались бои. Совместно с сухопутной армией добились японцев, а потом всей армией возвратились во Владивосток.

Через некоторое время наш командир получил новый приказ – следовать в корейский город Гензан, что расположен около 38 параллели, на границе между севером и югом Кореи, откуда после небольших столкновений с противником мы вновь вернулись во Владивосток. Долго нам стоять не пришлось. 24 августа командир получил ещё один приказ выйти в море, однако цель была неизвестна. А когда мы подошли к острову Аскольд, уже в Тихом океане увидели корабль: 5 американских транспортов «Либерти», один наш эсминец, несколько тральщиков, подводные лодки. Команды на этих судах были советские. Все суда, в том числе – сторожевые катера, были приняты от американцев. Собралось где-то 35 кораблей. Маршрут держался в секре-

те. А поскольку я, вахтенный, должен был оперативно реагировать на всю информацию, поступающую извне и изнутри корабля, то обнаружил, что движемся мы на остров Хоккайдо, к северу Японии. Командир подтвердил мою догадку. К вечеру третьего дня похода пришёл приказ: отставить высадку, вернуть часть кораблей в Советскую Гавань, часть – во Владивосток, а некоторым кораблям, в том числе нашему, оставаться у города Маока (ныне – Холмск). Во время русско-японской войны неприятель захватил южную часть Сахалина, где находился этот город. Но пришло время, и справедливость восторжествовала: мы отбили Южный Сахалин, а заодно и Курилы у японцев. Бои закончились.

2 сентября, в День Победы на Востоке и окончания Второй мировой войны, нам поступила команда – пройти вдоль Курил, поскольку два гарнизона японцев не сложили оружие, проигнорировав приказ императора, и продолжали боевые действия. Сначала мы обстреляли гарнизон на одном из островов, высадив туда свой десант – роту морских пехотинцев, и японцы подняли белый флаг. А затем, после их капитуляции, прошли дальше и «успокоили» других камикадзе на острове. Выполнив боевую задачу, мы взяли курс на Владивосток. Наконец-то, война закончилась и для нас.

В моей японской одиссее был один запоминающийся эпизод, когда нам приказали идти на Токио. Мне довелось увидеть столицу Японии впервые. Тогда, в 1946 году проходили выборы в Верховный Совет СССР, и наш корабль, по сути, стал плавучим избирательным участком для советских граждан, которые находились в Токио, а также представителей Контрольного совета в Японии, возглавляемого генерал-лейтенантом К.Н. Деревянко. Когда, выполнив свою задачу, мы отправились в обратный путь, с нами на борту оказались именитые советские писатели К.М. Симонов, Б.Н. Агапов, Б.Л. Горбатов и Л.А. Кудреватых. Помнится, Константина Симонова сопровождала старушка-стенографистка, которая работала ещё с Лениным, и матросы шутили, мол, когда женщина на корабле, добра не жди. И надо же случиться, только вышли из Токийского залива, нас начало трясти, попали в шторм. Но когда дошли до Сангарского пролива, стихия отступила. Вот и не верь в приметы! Наш политработник договорился с Константином Симоновым о выступлении перед матросами. Легендарный писатель согласился. Встреча прошла в столовой. Заложив палец за пу-

говицу пиджака, Симонов сообщил участникам встречи, что он прочтёт стихотворение «Огонёк», которое будет опубликовано сразу по прибытии в Москву. Поскольку наши именитые пассажиры побывали в поверженной Японии для того, чтобы написать по свежим следам очерки для советских читателей, они стали наперебой делиться с матросами своими впечатлениями от увиденного.

В апреле 1946-го мы вновь двинулись на Токио, чтобы доставить туда гуманитарный груз, т.к. население наголову разбитой Японии практически голодало. Во время второго посещения столицы я заметил удивительно красивый парк неподалёку от делового квартала – с вечнозелёными деревьями и фонтанами из стекла. Быстро стемнело, нужно было возвращаться домой, но группа, которую я возглавлял, не могла сориентироваться, как найти обратную дорогу на корабль. Я немного говорил по-английски, поскольку изучал язык в училище и практиковался во время службы на Аляске, и потому обратился к представителю военной полиции-американцу. Он провёл нас к центральной станции электричек, и оперативный дежурный сообщил, что нужно проехать 4 остановки, чтобы добраться до нашего корабля. Преодолевая разные кордоны военной полиции, мы достигли бухты, но никакого корабля там не обнаружили. Помог нам в этой каверзной ситуации японский полицейский, прекрасно говоривший по-русски. Он с жадностью смотрел, как я закуриваю папиросу, и в благодарность я отсыпал ему курева. Кстати, с местным населением, многие из которых могли объясняться на русском языке, мы наладили довольно дружеские контакты. Японцев интересовало, когда русские придут на Хоккайдо, они возлагали надежды на нашу гуманитарную помощь. По договорённости с американцами именно наши войска должны были оккупировать Хоккайдо, но на остров мы не пошли, и огромная армада кораблей возвратилась домой.

За японскую операцию все мы получили награды. Наш командир и мой земляк Леонид Сергеевич Миронов – звание Героя Советского Союза. Нашему фрегату было присвоено звание «гвардейский». Меня, молодого лейтенанта, наградили орденом Красной Звезды. Вручили мне также медаль за «Победу над Японией», а позже северокорейцы наградили нас медалями «За освобождение Кореи». За успешное принятие американских судов меня и других товарищей представили к наградам, и отправили наградные листы в Москву. Но второй орден Красной Звезды, к которому я был представлен, а впоследствии и третий орден Красной Звезды за боевые действия на Курилах и Сахалине, я так и не получил. До 1970 года прослужил во Владивостоке. А в 1976 году мне позвонил военком Кировского района Ярославля с вопросом: «Вы участвовали в операции на Аляске?». Я ответил: «В составе 5-го отдельного полка ВМФ СССР». Он продолжил: «Вам не вручён второй орден Красной Звезды». Попросил сообщить мои данные, но пока результата нет, даже после моего обращения в Министерство обороны РФ. В наградном отделе Минобороны представления к награде не наши, и посоветовали мне обратиться в наградной отдел ВМФ. А потом я прочитал в газете, что многие награды до сих пор не нашли своих героев. Такая она, жизнь.

И всё же завершить свою одиссею мне хотелось бы на лирической ноте. Известный советский поэт-маринист Николай Флёров написал в 1946 году стихотворение о нашем корабле «Мы – с гвардейского фрегата». Есть в нём такие строки:

Не ветры, шумя – над волною летят,
Не белый клубится туман,
То в море выходит гвардейский фрегат,
Идёт в голубой океан.

День Героев Отечества

Этот праздник завершил череду мероприятий в юбилейном году в честь Великой Победы. Обращаясь к собравшимся в Георгиевском зале Кремля Героям России и Советского Союза, кавалерам орденов Славы и Святого Георгия, Президент страны В.В. Путин подчеркнул: «Ваша судьба – это, прежде всего, священное, ответственное, глубоко личное отношение к Родине. Этот великий, сердечный патриотизм вдохновляет и мобилизует нынешнее поколение защитников России».

Вся страна чествовала в этот знаковый день Героев Отечества. Более 5 тысяч представителей различных молодёжных общественных организаций поддержали акцию «Герои нашего времени» в Москве. Президент России принял участие в торжественной церемонии передачи коллекции орденов и памятных медалей Российской империи, которые были вывезены за рубеж в 1920-1930-е, в частности – знака ордена Святого апостола Андрея Первозванного, принадлежавшего императору Павлу I, а также цепи и знака ордена Белого орла Царства Польского, кавалером которого был Николай I. Музей Героев Советского Союза и России пригласил ветеранов на выставку «Герои Отечества», посвящённую истории ордена Святого Георгия – высшей боевой награды России. Гостеприимно распахнул свои двери в этот день музей Российского военно-исторического общества, который разместился в здании палат XVII века.

В Ярославской области в данное время проживают два героя России, один полный кавалер Орде-

на Славы, восемь Героев Социалистического Труда и четыре полных кавалера Ордена Трудовой Славы. По традиции старинный волжский город встретил праздник торжественными церемониями возложения цветов к воинским памятникам и мемориалам, в частности – к «Вечному огню». Прошли героико-патриотические акции и программы: в ДК имени Добрынина – «Герои земли Ярославской», во Дворце культуры

«Нефтяник» – «Погибшие в небе за Родину становятся небом над ней», в Доме культуры «Судостроитель» – «Доблесть на все времена» и ряд других. Спортивные турниры, конкурсы, встречи с ветеранами – эти и другие мероприятия сделали праздник насыщенным и запоминающимся.

В торжестве, посвящённом Дню Героев Отечества, которое прошло в Музее Боевой Славы, приняли участие около 90 старшеклассников Ярославля. После возложения цветов на Воинском мемориальном кладбище для них была организована увлекательная экскурсия по Аллее Славы. Ребята участвовали в викторине на знание улиц города, названных в честь ярославцев, удостоенных звания Героя Советского Союза. Знатоки были отмечены памятными сувенирами от Ярославского музея-заповедника и мэрии города.

Во всех городах и населённых пунктах России состоялись праздничные торжества, убедительно свидетельствующие о том, насколько велики внимание и благодарная память общества к Героям Отечества.

«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА» 1968-ГО:

Рассказы о войне ветерана Великой Отечественной, полковника в отставке Владимира Алексеевича Жилкина, как и его книги, ярки, интересны и насыщены событиями. Во время встречи с журналистом Олесей Раджа в процессе подготовки данного проекта Владимир Алексеевич начал своё повествование о событиях 1968 года в Чехословакии, в которых он принимал непосредственное участие, с просмотра памятных фотографий – ныне раритетов минувшей эпохи. Одна из них сделана в городе Раковнике, что в 63 километрах от Праги. На другом фото – В.А. Жилкин там же с однополчанином. Запечатлены на фотодокументах один из лозунгов, которыми чехи в тот период встречали советские войска, братание командиров полков двух стран – окончание советской миссии в Чехословакии, а также встреча в ГДР наших войск во время их вывода из страны.

- Помнится, Владимир Алексеевич, как в одном из интервью Вы упомянули о том, что одно дело – оценивать прошлые события с позиций тех лет, и совершенно другое – с «высот» современности. Так какую же оценку Вы, как очевидец, можете дать событиям в Чехословакии 1968 года, спустя столько лет? Ибо некоторые знатоки утверждают, что это был переворот, а другие называют целью этих событий стремление привести страну к социализму «с человеческим лицом». Нелишне напомнить читателям, что «Пражскую весну» трактуют как период политической и культурной либерализации в Чехословакии с 5 января 1968 года, когда реформатор Александр Дубчек был избран первым секретарем Коммунистической партии страны, до 21 августа этого же года. В этот период СССР и большинство стран-участниц Варшавского договора приняли решение о вторжении в Чехословакию для подавления реформ.

- Я свою оценку тех событий со временем не поменял. Всё, что произошло и не удалось довершить в Чехословакии в 1968-м, спустя годы, было проделано в Советском Союзе. Начали, как помнится, с отрицания руководящей роли партии, а затем всё стремительно пошло «по накатанной». Полагаю, у нас в 1991-м тоже произошёл переворот. Тогда как в Чехословакии, благодаря присутствию советских войск, в 1968 году это не смогли осуществить. А в СССР антисоциалистические силы без особых потрясений взяли верх, и наша партия, так же, как чехословацкая в 1968 году, не в состоянии была это предотвратить. Сейчас мы живём в обстановке демократии, к которой так стремились граждане Чехословакии. Тогда же там предприняли попытку ликвидации социалистических завоеваний под лозунгом демократии, который в то время мы называли демагогией. Антисоциалистические силы страны вели решительную борьбу против компартии и коммунистов. Дошли до того, что попытались открыть западную границу Чехословакии, что создало взрывоопасную обстановку, поскольку в тот период там были подготовлены силы, которые могли вторгнуться в страну.

Ввод советских войск в Чехословакию расценивался как выполнение интернационального долга. И хотя сейчас валят всю вину за содеянное на нашу страну и, в частности, на Л.И. Брежнева, это было решением не только СССР. 30 коммунистических партий поддержали чехословацкую операцию, и только три выступили против – Швеции, Югославии и Румынии. Компартия Чехословакии тоже была против этой операции. Но во время совещания братских партий пришли к единодушному мнению, что ситуация в Чехословакии – не просто внутреннее дело страны, она затрагивает интересы всего международного коммунистического сообщества. В результате было решено предпринять меры к тому, чтобы Чехословакия не отрывалась от стран социалистического лагеря, поскольку она входила и в состав стран-участниц Варшавского договора, который обязывал к консолидации действий. Лично я видел в Чехословакии не только введённые войска из СССР, но и из ГДР, Болгарии.

- Так отчётливо, в деталях запомнить события Великой Отечественной и в Чехословакии мог только тот человек, который постоянно делал дневниковые записи. Не так ли?

попытка переворота или стремление к демократии?

- Действительно, периодически я записи вёл. Они помогли мне восстановить в памяти все события, когда я работал над книгой «Годы в артиллерии», где большая глава отведена периоду «Пражской весны» в Чехословакии 1968 года. Нашему руководству было крайне непросто принять решение о вводе войск в эту страну. В то время я в звании подполковника служил начальником артиллерии 167-го мотострелкового полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии. Помню, как в ночь на 28 июля наша дивизия перешла границу с Польшей и медленно продвигалась по стране, делая длительные привалы, порой, даже по полмесяца. Нас информировали о том, что правительство СССР решает вопрос по поводу ввода войск в Чехословакию. Тогда руководство нашей страны вело переговоры на высшем уровне, стремясь повлиять на первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека, а также на Президента ЧССР Людвика Свободу. Мы передислоцировались в ГДР, где стояли в лесу возле местечка Дамме. Шла речь даже о том, что нашу дивизию передадут в распоряжение Западной группы войск.

Однако 23 августа был дан приказ о вторжении в Чехословакию. Границу мы перешли в ночь на 25 августа. Согласно международным стратегическим планам наша дивизия вошла в состав воинских подразделений стран-участниц Варшавского договора, хотя и стояла в Калининграде. Таким образом, в Чехословакию вводились войска Варшавского договора, в том числе – наша и соседняя с нами дивизии. Мы состояли во втором эшелоне, и потому, когда пе-

ресекли границу Чехословакии, войска других округов, которые были поближе, туда уже вошли. Скажем, Прикарпатского округа, а также расположенные в ГДР части. Мы же пересекли границу одним-тремя днями позже.

Население встретило нас лозунгами, которые мы смогли прочитать лишь на рассвете: «Солдаты, идите домой к своим ребятам!», «Свобода, Дубчек, Черник, Цисарж», «Проверено, контрреволюции нет!». Увидели мы испачканные белой краской памятники войнам Красной Армии. Ещё ночью заметили, что все указатели на дорогах повернуты в сторону Москвы или вообще сняты, поэтому нам было крайне непросто ориентироваться на местности. Когда проходили по городу Хомутов, было уже светло. По обеим сторонам дорог стояла молодёжь, повернувшись к нам спиной и, оборачиваясь, показывала советским воинам кулаки. Тогда в одночасье все улицы с советскими названиями были переименованы в честь Дубчека. Было также отдано распоряжение не давать советским войскам продовольствия, воды и дров. Вот так встретил нас народ «дружественной» Чехословакии.

Вводу советских войск дало соответствующую оценку руководство Чехословацкой народной армии. Министр национальной обороны ЧССР Мартин Дзур отдал распоряжение, чтобы чехословацкая армия придерживалась нейтралитета. Это решение было подтверждено начальником Генерального штаба Ричаром, что крайне важно: армию нацелили не вмешиваться в события «Пражской весны». Не будь предпринято такое разумное решение, в Чехослова-

кии развязалась бы война. Но этого не случилось, и боевые действия нам там вести не пришлось. Занимались агитацией, разъяснением нашей позиции, установлением контактов с армией и местным населением. Конечно, мы находились в боевой готовности на случай непредвиденных действий, выступлений настроенного против нас населения. Но нам был отдан приказ: ни в коем случае не открывать огня без разрешения руководства СССР. Стрелять можно было бы только в том случае, если бы чехи напали на нас, и мы понесли потери. Однако за три месяца моего пребывания в Чехословакии ничего подобного не случилось. Произошло единственное ЧП, когда мы обнаружили в расположении советских войск тело убитого болгарского солдата. Во время разбирательства было установлено, что это – дело рук националистических сил страны.

Итак, наша дивизия стояла в лесу под городом Раковник, который мы блокировали, так же, как чехословацкий 2-й танковый полк и разведбатальон. В случае враждебных действий мы были готовы вступить в бой. Как я уже отметил, большую работу мы вели по установлению контактов. Сразу было отдано распоряжение, чтобы наши солдаты отправились в кооперативы (по-нашему это – колхозы, которых было тогда в Чехословакии 7 тысяч) в помощь местному населению на уборке урожая. Как раз была страда. И, конечно же, наши воины включились в работу на полях. Но, к нашему огорчению, там же находились и чехословацкие студенты, которые организовали забастовку, выставив ультиматум: мол, пока советские солдаты не уйдут, они работать не будут. К счастью, наступил конец августа, а с 1 сентября у студентов начинался учебный год. Мы сразу же нашли общий язык с селянами, которые с удовольствием принимали нашу помощь. Так зарождались ростки добрых контактов советских воинов с жителями Чехословакии.

Как-то ночью в первых числах сентября в расположение штаба полка пришли два пожилых мужчины и сообщили, что старых чехословацких коммунистов терроризируют и даже избивают молодые люди. Они попросили, чтобы советские военные помогли им собраться и провести совещание. Мы не могли не отреагировать на эту просьбу и выделили для этих целей транспорт, а также назначили ответственного офицера, чтобы собрать коммунистов из Раковника и близлежащих деревень. На этом совещании кадровые партийцы единодушно поддержали решение братских компартий по Чехословакии, в том числе – ввод в страну войск стран-участниц Варшавского договора.

Когда Дубчек и Свобода приехали на совещание в Москву, мы решили обнародовать этот факт. К нам поступало большое количество газет, которые мы ночами доставляли в почтовые ящики и к дверям жителей, в том числе, Раковника. Но однажды утром увидели, как наши газеты о совещании в Москве развевались повсюду разорванными. Чехи не поверили, что Свобода и Дубчек по доброй воле поехали в Москву. Они считали, что их увезли сотрудники КГБ. И мы не смогли их в этом переубедить.

Главная наша задача – наладить контакты с чехословацкой армией – была успешно выполнена. Для начала мы постарались организовать встречу с танковым полком и разведбатальоном. Первыми встретились партийные комитеты воинских формирований. В кафе за кружкой легендарного чешского пива мы обсуждали насущные проблемы. В выражениях, скажу, не стеснялись. Следующий шаг – установление связи с командованием танкового полка. Эту встречу на высшем уровне мы организовали с истинно русским гостеприимством у нас в штабной «бабочке». Приехал даже начальник политотдела чехословацкой дивизии. Гости задали нам традиционный вопрос: почему и по чье-

му решению мы вторглись в Чехословакию? Мы объяснили, что ввод войск явился следствием постановления, принятого на совещании братских партий. А, кроме того, из-за опасения возникшей угрозы социалистическим завоеваниям, поскольку противоборствующие силы хотели открыть чехословацкую границу с Западом. Пропагандист чешского полка даже заплакал, сказав: «Ну, какой же я контрреволюционер, если фашисты расстреляли моих родителей!». И добавил: «Зачем привели сюда немцев? Для нас лучший немец – мёртвый». Словом, контакты были налажены, подняты тосты. Провели мы по предложению чехов и двустороннюю встречу в расположении штаба нашего полка с командирами рот, во время которой меньше говорили о политике, а больше – о воинской дружбе. Далее мы установили связи с базой вооружения, где нас угостили обедом со сливовицей. А позже – с государственной милицией. Не смогли мы войти в доверие только к рабочей милиции, которая подчинялась партийным органам.

Я уже упоминал о том, что население активно выступало против ввода наших войск. И потому командование полка поручило мне посетить керамический завод для проведения там соответствующей разъяснительной работы. Но на завод и к его руководству меня не допустили. В проходной две женщины и мужчина поинтересовались, кто я, комиссар или нет? Узнав, что начальник артиллерии полка, отказались разговаривать со мной, пока орудия и танки не будут убраны с высоты. Я дал обещание, что в ближайшее время всё будет сделано. Тогда заводчане согласились побеседовать со мной, предупредив, что если мы не исполним обещание, они устроят забастовку. И опять последовали уже знакомые вопросы: кто нас звал – Дубчек, Свобода, Черник или чехословацкий народ? Я попытался объяснить им, как в своё время военным. А они – в ответ: «Где тут у нас контрреволюция? Её нет». Тогда я возразил, что мы называем контрреволюционерами тех, кто выступает против социалистических завоеваний в Чехословакии. В конце этой дискуссии они опять повторили, что наши войска не имели права войти в страну без согласия хозяина – чехословацкого народа. Я возразил: «Случается, у хозяина дома не спрашивают согласия войти, например, во время пожара. В вашем государстве – такой же исключительный случай, подобный пожару. Поэтому нам нужно быстрее его потушить». Не знаю, убедил я их или нет, потому что распрощались мы довольно прохладно. Как и обещал, орудия после моего посещения завода были убраны, но по сигналу мы смогли бы их вновь выставить на прежние рубежи. Вспоминаются нюансы: когда мы пришли в Раковник блокировать танковый полк, его там не оказалось, он был на учениях. А спустя некоторое время, от его командования поступила просьба разрешить им вернуться с полигона на места постоянной дислокации. Наше командование дало разрешение и указало, какими маршрутами и в какое время можно возвратиться, что они и сделали.

В середине октября мы общались с чехословацкими военными и представителями населения Раковника во время встречи дружбы. В докладе командира нашей дивизии, генерала Ивана Яковлевича Куликова и в выступлениях воинов обеих стран шла речь об исторических связях между Чехословакией и СССР. Вспоминали о воинском братстве во время Великой Отечественной войны, когда в бой под местечком Соколово вступил чехословацкий батальон, а потом сражался уже целый корпус под командованием Людвика Свободы. А в конце встречи на сцену вышли командиры полков двух стран и крепко обнялись.

Перед тем, как наши войска покинули Чехословакию, я снова посетил керамический завод, где встретился с сек-

ретарём парткома Дрожем и сообщил ему, что в их стране остаётся ограниченный контингент советских войск, и нам хотелось бы расстаться по-хорошему, а не как противники. Выдержав паузу, он ответил, что на днях будет отмечаться 50-летие Чехословацкой республики. Принять это своеобразное приглашение мне не довелось. Нашу дивизию по решению командования отправили обратно в Калининград. 25 октября мы пересекли границу с ГДР, где нас тепло встречали – цветами, сувенирами и шнапсом. Немцам не хотелось, чтобы в Чехословакии произошёл переворот. На их памяти ещё были свежи события 1938-1939-го в Чехословакии. А потом через Польшу, которая встретила нас безразлично и даже холодно, мы добрались до Калининграда.

- С каким чувством Вы покидали Чехословакию?

- С чувством выполненного интернационального долга: страна осталась в рядах соцлагеря. Попытка реформирования политической системы под названием «Пражская весна» в 1968 году провалилась в результате операции «Дунай», проведённой контингентом войск Варшавского договора. К руководству в стране вскоре пришли новые люди, в частности, вместо Александра Дубчека первым секретарём ЦК КПЧ был избран Густав Гусак, который стал приверженцем лояльной политики. Калининград встретил нас торжественно. После подведения итогов проведённой операции 6 ноября я был представлен к награде орденом Красной Звезды.

Как я уже выразил свои чувства в мемуарах «Годы в артиллерии», мне больно от того, что нет той Чехословакии, которую мы освобождали в 1945 году, за которую погибли 150 тысяч советских воинов. Нет той социалистической Чехословакии, за которую мы боролись в 1968 году. И нет того великого Советского Союза, который стоял во главе содружества социалистических стран. Современные политики стараются не вспоминать добрым словом о тех минувших событиях. Но ведь они были, и память о них должна остаться в наших сердцах. И мне кажется, что мои воспоминания помогут воскресить у людей эту память...

Сейчас на многие события, не только в Чехословакии 1968-го, бытуют совершенно иные взгляды, развёрнутые диаметрально противоположно, на 180 градусов. Из бывших врагов молодого советского государства сделали чуть ли не героев, а иных подвергли такому ostrакизму, что не поздоровится. Вот и по поводу международной ситуации в Чехословакии нередко слышу слова осуждения. Думаю, пришла пора становиться на реальные «рельсы» времени и рассматривать события с позиций обстановки, в которой они происходили, а не вырывать, образно говоря, цитаты из контекста. Это будет по-людски правильно.

